

МАГИЯ  **ФЭНТЕЗИ**





Андрей ГУДКОВ

ЦЕПНОЙ ПЕС
ИМПЕРИИ

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»



УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г93

Серия основана в 2004 году
Выпуск 501

Художник
А. Сальников

Гудков А. А.
Г93 Цепной пес империи: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 441 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1627-1

Хорошо родиться сыном влиятельного аристократа. Еще лучше родиться сыном мага. Неплохо при этом и самому быть магом. Но мало кто задумывается, что за все это надо платить, и платить немало. Не успеешь оглянуться, как договор твоих предков тяжким бременем повиснет на шее. По рукам и ногам скупают древние традиции и правила. А приглашение твоего отца с правителем страны предопределит всю твою жизнь.

И вот простой, казалось бы, приказ, и ты в самом центре заговора, угрожающего всему миру. Коварные планы неведомых врагов причудливым образом сплетаются с мрачными страницами истории мира и темной историей твоей семьи. Сами собой всплывают страшные тайны... Но кому, как не тебе, решать все эти проблемы? Ведь ты — маг, и ты на службе у императора. И пусть одни завидуют, другие восхищаются, а третьи кричат в спину «цепной пес». Свой путь ты пройдешь до конца!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1627-1

© Гудков А. А., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

— Ты уверен?

— Конечно, — хвастливо заявил двенадцатилетний подросток. — Я все прекрасно знаю.

— Ты учишься всего ничего, — с сомнением возразила его сестра.

— Да все у меня получится, вот увидишь, — уверенно сказал подросток.

— А что ты можешь?

— Сейчас я преобразую эту кучу хлама в новую посуду.

Он закончил рисовать магическую фигуру и сложил в ее центре небольшую кучку мусора. Довольно улыбнувшись, коснулся рукой одной из линий. Вся фигура засветилась, и куча мусора начала меняться, принимая новые формы.

— Вот видишь, Мария, — с улыбкой сказал паренек.

Но спустя пару секунд начало происходить что-то странное. Воздух в комнате стал дрожать и изгибаться. На глазах у изумленных подростков прямо перед ними появилась воронка, затягивающая воздух в черный провал. Воронка быстро росла в размерах и уже через пару секунд заняла собой полкомнаты.

— Красиво, — восхищенно выдохнула Мария, не замечая, что брат весь взмок.

— Это не я, — тихо прошептал он. — Что-то не так. Уходим отсюда, Мария!

Но девушка в оцепенении смотрела в глубь воронки. Брат схватил ее за рукав и потащил к выходу из комнаты. Но выйти они не успели. Из воронки вынырнула черная чешуйчатая тварь и, одним движением схватив девушку, нырнула обратно. Спустя мгновение воронка закрылась, а фигура погасла. Растерянный, бледный и мокрый от пота, паренек стоял один в пустой комнате.

— Мария!!!

Часть первая

ВОСТОК

Глава 1

ВНЕЗАПНЫЙ ПРИКАЗ

День начинался неважно. Моя свободная жизнь закончилась. Нет, меня не пришли арестовывать за разбитое вчера окно ресторана. Хозяева понимали, что, напоив и без того пьяного мага некачественным вином, они очень легко отделались. И я не проснулся в постели с неизвестно какой девицей благородного происхождения. Я сам настолько благородного происхождения, что вести себя благородно мне совсем не обязательно. И в армию меня тоже не забирают. Все гораздо хуже.

Прямо на ковре посреди моей гостиной на коленях стояла молодая девушка в зеленом плаще. В ее черных волосах была небольшая прядь седых волос. Даже не зная я посетительницу в лицо и не заметив свисающего серебряного медальона в виде черепа, по одному этому признаку я понял бы все.

Традиции, будь они прокляты. Неизбежность, предначертанная нам обоим с рождения. Ни она, ни я не виноваты в этом. Нам суждено на очень долгий срок связать свои жизни. Это куда более тесная связь, чем какие-либо другие узы в нашем мире. Говорят, есть в иных мирах подобные связи, но в нашем мире эта — самая крепкая. Древнее добро, ставшее злом для потомков. Добровольное рабство — вот что нам предстоит. Добровольное рабство и принудительное рабовладение.

Эту девушку зовут Арья Сирая. Она принадлежит к известной семье некромантов. Во всем мире некромантов преследуют, а когда ловят, то убивают так, что все остальные радуются, что это делают не с ними. Только в нашей стране решились дать приют нескольким кланам некромантов. Но на очень жестких условиях. Некроманты обязаны стать добровольными рабами магов. Так, чтобы каждое движение, каждое заклинание некромантов были под контролем магов. У них не было выбора, и они согласились.

Я ничего не имею против этого обычая, но не думал, что я

буду в числе тех магов, которым придется становиться надзирателями над некромантами. И уж тем более я не думал, что буду *ее* надзирателем. У этой девушки есть очень веские причины ненавидеть меня. Настолько веские, что ей я простил слова, за которые убил бы любого другого.

Но традиции есть традиции. Некромант оскорбил мага и дал ему пощечину. И то, что сам маг считает это справедливым, никого не интересует. Совет некромантов вынес вердикт. И теперь Арья приходится стоять на коленях передо мной. Хотя она меня ненавидит и с радостью бы прикончила. Но если она откажется исполнить волю Совета, будет наказана вся ее семья. Вся семья, включая детей, которых сейчас в семье Сирая пятеро.

Традиции, будь они прокляты. Я могу отказать ей, но это хуже, чем убить ее. Это опозорит Арью, а главное, вернет ситуацию к началу. Некромант ударил мага, со всеми вытекающими последствиями. Накажут ее и всю ее семью.

Вот и получается тупик. Она вынуждена униженно просить меня о милости. А я вынужден принять ее просьбу и повесить себе камень на шею. Камень, ненавидящий меня и ежесекундно напоминающий о моем позоре и ошибке.

— Я, Арья Сирая, некромант из семьи Сирая, покорно прошу сделать меня своей ша'асал.

Девушка произнесла эти слова абсолютно ровным, ничуть не выражающим ее эмоций тоном. Я долго молчал перед ответом, так долго, что Арья вспотела от страха. Я ведь все же мог отказать ей. Тем более что она меня оскорбила. Совет магов встал бы на мою сторону. Совет некромантов тоже. А если еще правильно все сделать, то пострадает только эта девушка, а я сохраню свободу и независимость.

— Я, Маэл Лебовский из клана Ларанов, принимаю тебя в свои подопечные и делаю своей ша'асал. Отныне наши судьбы и жизни едины. Твои действия — моя ответственность; моя смерть — твоя смерть. Моя судьба — твоя судьба; твоя судьба — моя ответственность.

Как уже говорилось, я понял с самого утра, что день будет паршивым. Но утро было лишь началом. Едва я собрался исправить свое настроение бутылкой самого крепкого коньяка из запасов, как судьба преподнесла новый сюрприз

Я пью редко. Но если пью, то выпиваю много. Я не сторонник идеи, что горе нельзя заесть, но можно запить, но сегодня действительно очень хотелось выпить. К тому же после вчерашнего меня мучило легкое похмелье. Я, конечно, мог вылечить себя

магией, но, как и всякий настоящий маг, предпочитал не использовать ее без нужды. А легкая головная боль — это не нужда.

— Сэр, пришел ваш дядя, — поклонился мой дворецкий. Он верен мне, но еще больше верен моей семье. Он знает иерархию семьи и знает, что при визите дяди не обязан даже предупредить меня. Не говоря уже о том, чтобы сказать: «Хозяин занят и велел его не беспокоить».

— Хорошо, убери это. — Я махнул рукой на открытую бутылку и уже налитую рюмку. При дяде лучше не пить.

Едва дворецкий успел унести коньяк, в гостиную вошел мой родственник.

— Неважно выглядишь, — небрежно бросил он, усаживаясь в кресло рядом со мной.

— Не думаю, что ты этому удивлен.

— Не удивлен, это верно, — невозмутимо ответил дядя. — Хотя я тебя и не понимаю. Совет сделал тебе подарок, многие были бы рады оказаться...

— Многие убили бы ее на месте за то, что она сделала, — резко оборвал я. Сегодня я был не намерен играть в вежливость. — И я не собираюсь быть хоть в чем-то похожим на них.

— И все же твой враг теперь будет выполнять все твои прихоти. Ты можешь отыграться за то унижение по полной, — пожал плечами дядя.

Вокруг меня со свистом закружился воздух. Когда маг выходит из себя, его сила может вести себя неконтролируемо.

— Я уже говорил сотню раз, что она права: я действительно виноват в смерти ее сестры. Лейна погибла исключительно по моей вине, и тот факт, что я через год развеял ее убийц по ветру, не искупает моего позора! — Я говорил медленно, с трудом сдерживая гнев.

— Этот позор существует исключительно в твоей голове, — спокойно ответил дядя. — Убери этот вихрь, я вижу тебя насквозь. Ты лишь изображаешь ярость. Не настолько ты глуп, чтобы выпустить свою силу из-под контроля.

Я молча развеял заклинание. Действительно веду себя глупо. Я не ровня своему дяде. Ни по опыту, ни по силе. Он десяток таких, как я, съест без приправы.

— У тебя был выбор, есть он и сейчас. Ты можешь убить Арию, и тебе за это ничего не будет. — Видя мое недоумение, дядя добавил: — Я пришел лишь для того, чтобы объяснить тебе некоторые нюансы. Совет магов, предлагая Арье стать твоей ша'асал, предполагал именно это. Совет некромантов — тоже. Эта глупая девчонка нарушила договор и этим поставила под

удар всех некромантов, а не только свою семью. Ее смерть — наилучший выход.

— Я так не думаю, — холодно возразил я.

— Зря. Я бы на твоём месте так и поступил. Семья Сирая неофициально сообщила твоему отцу, что никаких претензий к тебе не будет. Более того, они пригласят тебя на весеннюю церемонию выпуска и дадут тебе право выбрать новую ша'асал из их семьи.

— Я решил.

— Дурак, — беззлобно сказал дядя. — Только не говори, что ты боишься убивать ее или тебе ее жалко.

— Не буду говорить, но убивать — тоже.

— Я пойду, у меня еще дела в Совете магов. — Дядя встал и направился к выходу, я поднялся его проводить. У самой двери он обернулся и сказал напоследок: — Надеюсь, у тебя хватает ума понять, что для некроманта смерть — еще больший пустяк, чем для нас, магов. Даже такая глупая девчонка, как она, знает это.

— Я осведомлен об этом, дядя, — тихо шепнул я закрытой двери: родственник уже сел в свой экипаж и слышать меня не мог. — Дело не в этом.

Ритуал единения очень прост. Никаких сложных обрядов, хитрых формул и тому подобного. Даже текст заклинания произносится на обычном языке, а не на древнем. Надо только начертить особый круг и вписать в него несколько геометрических фигур.

Бледная девушка стояла рядом со мной. Я хмуро посмотрел на нее. Не такой она видела эту часть своей жизни, совсем не такой. Старый обычай давно оброс мишурой правил, традиций и ритуалов. Они не меняли сути дела, но завуалировали ее, скрывая острые углы и делая более приемлемой. Все организовано достаточно красочно и пышно.

Молодые некроманты получали свои знаки и с этого дня официально считались взрослыми волшебниками. Они обрели права совершеннолетних граждан империи, а заодно молодые, но более опытные маги брали их себе в напарники. Да, официально это называлось именно так — маг брал себе напарника. Все маги на службе в империи имели напарника-некроманта, некоторые пары становились очень известными. Например, мой отец и его напарник. Они вдвоем три дня удерживали перевал во время вторжения северных варваров. После этого варварская орда распалась, вождя убили, а часть племен попросилась в им-

перское подданство, после чего граница нашей страны дошла до северного побережья континента. Они же уничтожили культ темных некромантов на юге и полностью перебили три семьи вампиров на востоке. Сейчас мой отец возглавляет клан Ларанов и занимает не последнее место в Совете магов. А его ша'асал возглавляет Совет некромантов. И они до сих пор время от времени собираются вдвоем, чтобы отметить какие-то им одним памятные даты.

И в большинстве случаев маг и некромант считали друг друга не слугой и господином, не надзирателем и подконтрольным, а напарниками или, на худой конец, подопечным и опекуном.

Но у нас все не так. Не пышный зал церемоний в Архееме, негласной столице некромантов, а старая пыльная комната моего дома. Не друзья-родственники и целая куча именитых гостей, а только мы вдвоем. Но деваться некуда.

— Ты готова?

— Да.

— У тебя еще есть время передумать.

— Я готова.

Я зашел в круг и начал ритуал. Отныне я буду чувствовать ее магию. Знать, какие заклинания она использует, даже если мы будем в разных городах. Я буду чувствовать ее эмоции, а она — мои. Я буду знать ее мысли, а она начнет догадываться о моих. Я буду отвечать за ее поступки и нести ответственность за ее преступления. А она будет во всем мне подчиняться. И если я умру, она умрет. А если она умрет, то мне ничего не будет. Почти ничего.

Ритуал несложен, но отдача от заклинания довольно сильна. Слегка покачиваясь, я вышел из комнаты, Арья осталась сидеть на полу.

— Вам чем-нибудь помочь, сэр? — поклонившись, спросил дворецкий.

— Нет, Ральф, помоги девушке. Хотя знаешь, принеси в сад через пять минут крепкого чаю.

— Да, сэр.

В саду я сел на первый попавшийся камень. У меня слегка кружилась голова, но свежий осенний воздух поможет лучше любого лекарства. На деревьях в саду уже начали желтеть листья. Осень в этом году ранняя. В моем саду нет ягодных или плодовых деревьев. Только камни и обычные деревья. Сосны, кипарисы, дубы, две черные березы и несколько вязов. Они были посажены кем-то из родственников моего прадеда, знаменитого Алариха Ларана, северного мага. Он привел клан Лара-

нов в Райхенскую империю и, по сути, короновал первого императора. Тогда же на его деньги и были построены дома нашей семьи в новой столице страны. В том числе и этот.

Поэтому менять что-то в этом саду в угоду переменчивой моде было бы кощунством. Тем более что этот сад отражает суть нашей семьи. Он такой же естественный, вольный и мудрый, как и наш клан, росший наперекор всему и сохранивший свои традиции.

— Ваш чай, сэ. — Дворецкий подошел тихо и незаметно, не желая нарушать моих раздумий. Неписаная традиция наших слуг — не беспокоить хозяев, когда они в саду.

— Благодарю, Ральф, как Арья?

— С ней все хорошо, сэ. Она попросила чаю с печеньем и сейчас в столовой на втором этаже.

— Хорошо. Теперь она такая же хозяйка этого дома, как и я.

— Да, сэ. Я взял на себя смелость заказать плащ с фамильным гербом для нее и несколько комплектов одежды.

— Хорошо, — кивнул я. — Выбери что-нибудь из старых запасов, но приличествующее этой осени для нее на этот вечер и приготовь мой обычный костюм.

— Да, сэ. Экипаж заказывать к семи?

— Да, пожалуй. Не забудь предупредить Аглаю, что ужинать я сегодня не буду.

— Она знает, сэ.

Несколько секунд Ральф стоял рядом со мной, ожидая других указаний, а потом тихо и незаметно удалился. Он был очень хорошим дворецким, хотя и не из наших обычных слуг. Не знаю, где нашел его отец, но свои обязанности он выполняет не хуже слуг высородных аристократов из ближайшего окружения императора.

Я еще долго сидел в саду. Судьба повернулась неожиданно, но что поделать? Такова жизнь. Так или иначе, мне бы пришлось брать себе напарника-некрманта. Не сейчас — так через несколько лет точно. Без такого напарника сложно добиться чего-нибудь. Ведь ему можно довериться во всем. Эти узы настолько сильные, что никто и ничто не может разорвать их или встать между магом и его ша'асал.

За мелкими заботами день пролетел быстро. Ничего хорошего я от него уже не ждал и очень хотел провести вечер дома. Но сегодня был день рождения моей лучшей подруги. Пропустить его я не мог. В конце концов, только ради этого я вернулся в сто-

лицу на неделю раньше срока. К сожалению, одновременно это было и известное светское мероприятие.

Увы-увы. Моя подруга жила светской жизнью и была вынуждена подчиняться ее неписаным, но строгим законам. Из-за этого и мне придется влезть в шкуру благородного аристократа и столичного жителя.

Раздался осторожный стук в дверь. Я сразу почувствовал, что это Арья. Последствия ритуала уже ощущались.

— Открыто.

— Можно?

Несколько секунд я рассматривал платье девушки. Оно явно принадлежало одной из моих бабушек. Белое, длинное, достаточно скромное и простое, без бантов, узоров, оборок или лент — оно, однако, выглядело очень красиво, а главное, вполне подойдет для этого вечера. Права была моя мать, утверждавшая, что мода циклична. То, что сегодня считается старомодным бабушкиным платьем, завтра будет последним писком моды. Так что как бы старо ты ни одевался, рано или поздно твоя одежда вновь будет модной.

Арья в этом платье выглядела неплохо. Надо сказать, для некроманта девушка выглядела слишком красиво. Зеленые, чуть раскосые глаза. Густые, черные как смоль волосы заплетены в две короткие косы, прическа простая, но очень популярная в этом году, в том числе и среди знати. Седая прядь, отличительный знак всех некромантов, подаренный им самой природой, аккуратно убрана за ухо. А ее чистую белую кожу оттеняло белое платье. Хотя, на мой вкус, тут лучше бы подошло черное.

Глядя на эту девушку, не верилось, что она некромант. Как гласила народная молва, все некроманты — сухие, желчные и очень злые люди. Мужчины сплошь старики, а женщины с рождения морщинисты, с крючковатыми руками и горбатым носом. Как ни странно, подобные слухи ходят даже среди знати.

Так что если бы не серебряный медальон в виде черепа, обязательный для ношения отличительный знак некромантов, Арья бы никто за некроманта не принял. Даже несмотря на седую прядь в волосах.

— Я готова, — негромко сказала девушка. — Но мне точно надо ехать?

— Увы, да. Да и все равно рано или поздно тебе пришлось бы выйти в свет.

— Как скажете, — равнодушно ответила Арья.

— Да не бойся ты так, — улыбнулся я. — Это куда проще выпускного экзамена.

Я подошел к зеркалу и придирчиво посмотрел на свое отражение. Ничего примечательного нет, если честно. Темные волосы, слишком длинные, чтобы можно было сделать нормальную прическу, но чересчур короткие, чтобы собрать их в хвост. Бледное невыразительное лицо, холодные серые глаза. Завершал облик небольшой шрам на щеке.

Мои знакомые часто говорили, что по лицу очень просто читать мое настроение. Когда я весел, оно меняется как по волшебству, и, по их мнению, я выгляжу неплохо. А вот когда настроение не очень, то выгляжу как сейчас.

Если Арья в своем платье столетней давности кажется вполне модной, то мой наряд давно устарел, хотя и был сшит всего три года назад. Темные брюки, белая рубашка, серый жилет и светло-коричневый длиннополый пиджак. Так одевались маги в середине прошлого века. Я всегда считал, что этот костюм мне идет. Во всяком случае, он соответствует мне и моему характеру гораздо больше, чем любой другой наряд вроде популярных в последние годы смокингов, позаимствованных в одном из соседних миров.

Благодаря качеству мой костюм выглядел как новый, хотя все знали, что это не так. Я не настолько беден или скуп, чтобы экономить на одежде. Просто это — мое личное тонкое издевательство над светским обществом. Столичные франты искренне считали, что появиться в одном и том же костюме больше двух раз на людях — невысказанный позор. А тех, кто так делал, считали нищими и неотесанными провинциалами и старались игнорировать.

Но игнорировать меня не получалось ни у кого. Поэтому, третий год подряд появляясь в любую погоду и на любом мероприятии в одном и том же костюме, я ставил этих идиотов в неловкое положение. Им сложно было хвастаться купленной вчера обновкой под моим ироничным взором. Можно было, конечно, смотреть на меня как на пустое место, но на любом светском сборище я неизменно оказывался в центре внимания. Хотя бы потому, что я там появился.

Единственная уступка общественному мнению — это новый шейный платок. Завязав его как полагается, я взял со столика последний необходимый элемент наряда. Небольшой золотой медальон в виде пятиконечной звезды, вписанной в круг, — отличительный знак высших магов. Еще раз окинув свое отражение взглядом и не найдя изъянов, требующих исправления, я повернулся к Арье.

— Пойдем. — Я подал руку девушке. — На этот вечер я твой кавалер.

Дом Катерины находился в другой части города, на Радужных холмах. Там живут богатейшие люди столицы и высшая аристократия империи. Я бы тоже мог там обосноваться, но это ни к чему. Тамашняя жизнь накладывает столько ограничений, что и подумать страшно. Такой вольной птице, как я, проще находиться в Старом городе. Тут обитали отставные офицеры, доживали свой век известные политики, пожелавшие на склоне лет удалиться от суеты, творили известные писатели и поэты из тех, кто предпочитал светскому обществу творчество. Также здесь были родовые гнезда старых родовитых, но не сильно богатых и влиятельных дворянских родов.

Спокойная и размеренная жизнь этой части города вполне устраивала меня, так же как и я вполне устраивал своих соседей. Они не ждали ничего хорошего от молодого известного мага и задиры, но в своем районе я всегда вел себя достойно.

Впрочем, я всегда вел себя достойно, и нет ни одного поступка, которого бы я стыдился. Вернее, есть один, но это совсем другая история: она никогда не покидала и не покинет стены домов магов и некромантов, в городе о ней никто не знает.

Карета ехала неспешно, у меня было достаточно времени поговорить с Арьей.

— Веди себя спокойно. Улыбайся, даже если человек тебя раздражает. Будь естественна, ты слишком неопытна, чтобы суметь обмануть своим поведением эту публику. Они тебя раскусят в два счета и начнут издеваться.

— Как мне общаться с ними?

— Как со стаей голодных хищников. — Почувствовав недоверие девушки, добавил: — Я серьезно. Стоит им почувствовать слабость, и они сожрут тебя с потрохами. Для многих из присутствующих не будет большего удовольствия, чем поиздеваться над неискушенной девушкой, только что приехавшей из провинции.

Арья внимательно слушала меня. Воспитание семьи Сирая налицо: ее чувства запрятаны глубоко внутри так, что даже с помощью нашей новой связи я не чувствовал их.

— Не принимай ничьих приглашений, всем вежливо отказывай. Помни, что подходить к незнакомому человеку без представления — невежливо. Сначала надо попросить, чтобы тебя представили. Если вдруг встретишь своего знакомого, а это не исключено, сначала поздоровайся с ним по всем правилам.

Даже если это твой близкий знакомый. И никогда не показывай своих чувств. Такое позволено делать лишь таким волкам, как я.

— Волкам?

— Да, у многих гостей от меня будет плохое настроение, это я могу гарантировать. Меня не любят в высшем свете, но никто ничем не сможет меня пронять, а главное — никто не рискнет этого сделать. Любой знает, что трогать мою персону — себе дороже.

— Чем ты так их напугал? — неожиданно спросила девушка.

— Сейчас расскажу. Это долгая история, но время у нас есть, — с готовностью ответил я, радуясь возможности наладить отношения. — Я живу в Райхене с шестнадцати лет. Первые два года жил в общежитии Магарского университета, так что об этом рассказывать нечего. В восемнадцать лет получил от отца в подарок этот дом и возможность жить самостоятельной жизнью. Тогда-то я и познакомился с высшим светом столицы. У меня было много друзей, я весело проводил время, не задумываясь о будущем, первым лез в свару, раз десять дрался на дуэлях, на шпагах. Убегал от жандармов и всегда был готов вступить за друзей. А еще я с тех пор не люблю условности и лицемерие. Надо ли говорить, что из-за этого меня недолюбливали в этом чопорном и надменном обществе? Пока я был студентом, мне многое прощалось, да и я многое терпел. Но после окончания университета все изменилось. Большинство моих друзей поспешили влиться в высший свет. Я тоже стал посещать балы и приемы, стал показываться в салонах.

Арья внимательно меня слушала. Я немного привирал и преувеличивал, чтобы рассказ был интересней, но в основном говорил правду. Скрывать что-либо от своей ша'асал считаю глупым.

— Все изменилось после одной неприятной истории. Некого молодого человека, приехавшего в столицу из провинции, подставили и жестоко разыграли. После этого ему ничего не оставалось, кроме как покинуть город. Все радостно злорадствовали по этому поводу, а я один во всеуслышание заявил, что этот поступок дурно пахнет. В ответ меня попытались выставить дураком и перестали приглашать на светские мероприятия. Тогда я пришел на одно из них без приглашения, — с улыбкой заявил я. Арья тоже улыбнулась. — Естественно, меня попытались выпроводить, но я сделал вид, что не понимаю намеков. Сказать прямо этот умник не решился. На том мероприятии я опять подтвердил, что не считаю тот розыгрыш достойным. На этот раз у меня появились сторонники, и организаторы проделки оказа-

лись в сложной ситуации. Угар радости прошел, и протрезвевшие люди догадались, что дело действительно гадкое.

— А в чем именно заключалась проделка?

— Одна из светских львиц разыграла бурную влюбленность в молодого и наивного парня, а когда он стал считать ее своей девушкой, они открыто посмеялись над ним и выставили вон со своего приема. Аферу провернули двое, молодая графиня и один из дальних родственников герцога Лаерского. Но это неважно. Графиня почти сразу покинула город вместе со своими родителями, и все остальное произошло между мной и Байхом. Он закусил удила, попытался выгнать меня из столицы и опозорить. Но коса нашла на камень. Если меня не приглашали на то мероприятие, на которое я хотел попасть, я приходил без приглашения. Выгнать меня вежливо никто не мог, а выгнать грубо было бы позором для них, а не для меня. Тогда они начали распускать слухи. Сплетни обо мне заполонили весь город, но их я игнорировал. Часть моих друзей отвернулись от меня. Тогда же я был вынужден покинуть город, отлучка была недолгой, но за это время Байх и его дружки успели отметить победу. На мне поставили крест, и все были уверены, что я не вернусь.

— Это когда ты в одиночку выловил трех диких оборотней на западе? — спросила Арья.

— Да. — Надо же, не знал, что ей известно об этом. — Дело было громким, и все с огромным удивлением вспомнили, что я, оказывается, маг из рода Ларанов. Я вернулся в столицу как ни в чем не бывало и, ничего не замечая, продолжил жить светской жизнью. Только теперь уже полностью игнорировал все условности, которые считал глупыми. Сплетничать про меня все стали опасаться. К тому же я поставил всех в известность, что знаю, кто и что про меня говорил. Тогда же я окончательно разобрался с Байхом. Этот дурак решил сыграть по моим правилам и явился без приглашения на мой день рождения. Я выставил его полным дураком. В ярости он бросил мне вызов на дуэль.

Арья расхохоталась.

— Вот именно, — улыбнулся я, — мне тоже было смешно. Я не принял вызов, а на следующий день принес из подземелий голову демона. Байх был в ярости, но ничего не мог сделать. За нашей войной наблюдал уже весь город, отступить он не мог. Я отклонил все его вызовы на дуэль, но окружающие понимали, что я просто издеваюсь над ним. Ему так и не хватило ума вести себя по-другому. Он продолжал пытаться распускать про меня слухи, прилюдно меня оскорблял и провоцировал, выставляя себя на посмешище.

— А что было дальше?

— Ничего. Он все-таки отстал от меня и теперь просто ненавидит и пытается не замечать. Но я окончательно расплевался с большинством своих так называемых друзей. А одному из них дал в челюсть за то, что попытался покровительственно поучить меня жизни. Это произошло на людях. Он вызвал меня на дуэль, но я рассмеялся ему в лицо. Назвать трусом высшего мага никто не решился, поэтому я мог спокойно игнорировать это оружие дворян — дуэль. А они выглядели при этом глупо и беспомощно, ведь всем было понятно, что я не боюсь их и могу легко убить на поединке. С тех пор я уже три года — кость в горле высшего света Райхена. Я всегда могу прямо высказать свое мнение, плюю на презрение и способен повести себя так, что пренебречь мною совершенно невозможно. Я сторонюсь азартных игр, но однажды с легкостью обыграл одного умника и неделю носил его фамильное кольцо. Теперь меня никто не трогает, потому что все боятся. Я, впрочем, уже давно их тоже не трогаю.

Почувствовав, что Арья интересуется почему, добавил:

— Я презираю их всех. Они ведут абсолютно пустую и бессмысленную жизнь. Прожигают состояния и гордятся высоким происхождением, но при этом ничего не делают, чтобы оправдать свою фамилию или поддержать семейную славу. Я тоже был таким, как они, но быстро вырос, а они так и остались там. Для меня сейчас враждовать с ними — все равно что драться с детьми в песочнице. Это мелкие забавы. Сейчас я общаюсь только с теми, кто чего-то по-настоящему стоит. Например, с Катериной, моей лучшей подругой.

Дом Катерины Левингстон был ярко освещен, во всех окнах горел свет, доносилась музыка. Подруге пришлось пригласить всех хоть сколько-нибудь важных и известных людей столицы. Ведь если кого-то не пригласить, они сочтут это оскорблением.

Выйдя из кареты, я невозмутимо направился к парадному входу. Там гостей встречал дворецкий: он громко приветствовал каждого прибывшего и отдавал распоряжения одному из стоящих рядом слуг. Хороший дворецкий знал в лицо всех гостей и их привычки. Кому сразу надо предложить вино, кому — сказать, в какой комнате поставили столы для карточных игр, некоторым подсказать, где они могут встретить прибывших ранее гостей. Знал он также и мои привычки.

— Сэр, — слегка поклонился дворецкий, — госпожа в холле.

Он не стал меня представлять, так как знал, что я этого не люблю. Один из слуг взял наши с Арьей плащи.

Я сразу пошел внутрь и внимательно оглядел большую ком-

нату. Гостей достаточно, но не очень много. Скорее всего, большая часть уже разбрелась по дому.

— О, ты все-таки выбрался из своей берлоги! — громогласно возвестил на весь зал мой старый знакомый.

— Каким ветром тебя занесло в столицу? — с радостной улыбкой поприветствовал я его.

— Вернулся вчера из Арана, — отмахнулся он, сказав это таким тоном, будто это была не колония на другом краю мира, а деревня в часе езды от города.

— Ну и как там?

— Как обычно — жарко, пыльно, а туземцы, радостно улыбаясь в глаза, за спиной точат ножи.

Ричард был на пять лет старше меня и уже успел побывать во всех колониях империи. В некоторых из них он уже заработал пару шрамов. Он один из немногих людей, что не боятся вести себя открыто в светском обществе. Впрочем, он вращается в более высоких кругах, чем «золотая молодежь» города. А там привыкли ценить людей за заслуги, а не за количество золота на одежде. Ричард — из той породы людей, которые несут «миссию цивилизованного человека». Или, вернее, увеличивают богатство империи. Они проводят большую часть своей жизни в колониях империи, открывая новые золотые залежи и россыпи драгоценных камней. Они договариваются с туземцами или командуют колониальными отрядами. Пробираются сквозь джунгли, болота, тундру или скалы, только чтобы нанести на карту и закрепить за империей еще один клочок земли.

— О! Ты, я вижу, наконец обзавелся девушкой! — воскликнул он на весь зал. Все гости уставились на меня и на Арья.

В ответ я покачал головой, причем, объяснять ничего не пришлось. Ричард и сам осознал, что допустил бестактность. Он достаточно знаком с магами, чтобы понять, кем мне доводится Арья.

— Рад буду с тобой поболтать, но сначала надо засвидетельствовать свое почтение хозяйке, — поспешно поклонился я приятелю. Иначе бы пришлось выслушивать поток искренних извинений. Надо признать, иногда искренняя открытость и широта чувств Ричарда очень утомляет и раздражает.

Катерина стояла возле лестницы и разговаривала с двумя совсем юными девушками. Я не был знаком с ними, поэтому остановился рядом и сделал вид, что очень заинтересован игрой музыкантов. Они, кстати, играли хоть и негромко, но весьма неплохо. Но долго ждать мне не пришлось.

— Как я рада тебя видеть, — счастливо улыbnулась подруга и протянула руку для поцелуя.

— Разве мог я пропустить такое событие, — улыbnулся я в ответ.

Катерина, как всегда, выглядела прекрасно. Разве что за последние годы она повзрослела и ее красота стала строже. Раньше ради нее хотелось совершить подвиг или преступление. Теперь хочется выглядеть солидным и взрослым человеком. Как ни странно, даже мне. В былые дни я бы, никого не стесняясь, обнял ее и поцеловал в щеку. А теперь под строгим взглядом карих глаз на это не решался.

— Я не знала, успеешь ли ты вернуться в столицу. Поговаривали, у тебя важное дело на юге.

— Да, было одно разбирательство в Кальхаре — продажные чиновники, — скромно сказал я. — А это мой подарок. Только не показывай, что там на самом деле.

Я протянул девушке простой сверток ткани. Гости недовольно зашептались вокруг. Как же — подарил отрез ткани, словно какой-то купчихе. Катерина, развернув обертку, едва сдержала вздох изумления.

— Но это же... — потрясенно прошептала она.

— Ты того стоишь. Никому не показывай, ладно? Пока тебе не сошьют из него платье.

— Вновь дразнишь гусей? — усмехнулась подруга.

— Ты против?

— Нет, спасибо тебе большое. Я и не мечтала об этом. Но, может, все же представишь свою спутницу?

— Да, конечно. — Я слегка поклонился. — Это Арья Сирая, некромант из семьи Сирая и моя ша'асал.

— Для меня честь познакомиться с вами. — Арья присела в реверансе.

— Для меня тоже, — поклонилась в ответ Катерина. — Однако давайте без церемоний, друзья Маэла — и мои друзья. Но прошу меня простить.

— Конечно.

Катерина упорхнула поприветствовать новых гостей, а я невольно посмотрел ей вслед. Мы столько лет знакомы, а я не перестаю восхищаться ее красотой и изяществом. Вот и сейчас: она шла чуть быстрее, чем приличествует ее возрасту и статусу, но делала это так легко и изящно, что никто бы не смог упрекнуть ее в незнании манер.

А к нам подошел хозяин дома и муж Катерины, Чарльз Леvingстон. Представив ему Арию, я вместе с ним отошел в сторону для беседы.

Надо сказать, с ним у меня сложные отношения. В начале своего знакомства с Катериной он подозрительно относился ко мне, считая наши с ней отношения чересчур близкими. Но незадолго до свадьбы я ему прямо высказал все, что думаю об этом, и предупредил, что буду общаться со своей подругой так, как сочту нужным, а на его мнение мне плевать. А также уведомил его, что он окажется полным дураком, если вздумает ревновать жену ко мне. Как ни странно, он мне поверил и никогда больше не поднимал этот вопрос. Но после этого никаких добрых отношений у нас уже сложиться не могло. Впрочем, мы оба не сильно переживали по этому поводу. Благо мы всегда могли скрыть свои чувства от окружающих за маской этикета.

Разговор, как и полагалось, начался издалека. Чарльз вежливо поинтересовался о моих делах, в которых ничего не понимал. Я так же вежливо спросил о его делах и некоторое время слушал его размышления по поводу недавнего падения акций крупнейших оружейных заводов.

— До меня дошли слухи, что в последнее время вы активно занимаетесь политикой в Ассамблее? — наконец перешел он к делу.

— Да, это так, — вежливо кивнул я. — Думаю, я добился кое-каких успехов в этой области.

— Вполне достойно для человека из вашего круга не надеяться на помощь семьи, а самому пробивать себе дорогу.

— Я тоже всегда так считал. Я в полной мере занимаюсь нашими семейными делами, но не забываю и о своих личных.

— Видите ли, сударь, в чем загвоздка: один из законов, к которому, говорят, вы приложили руку, несколько задел мои финансовые интересы.

— Вот как? — удивился я. — О каком законе идет речь?

Раз Чарльз об этом заговорил, значит, закон не просто «задел», а серьезно ударил, и не по интересам, а по карману. Это неприятно. Я не хотел ругаться с ним, и дело не только в Катерине, но и в том, что Чарльз — весьма богатый и влиятельный человек в финансовых кругах. Ссора с ним могла серьезно повредить моим планам.

— Речь идет о запрете колдунам и волшебникам заниматься частной добычей кристаллов парса¹.

— Понятно. Вы, очевидно, инвестировали финансы в некото-

¹ Парс — минерал, кристаллы которого способны накапливать магию в больших количествах. Это сырье для изготовления разнообразных магических устройств, амулетов, оружия. Также используется в некоторых ритуалах волшебников. — *Примеч. авт.*

рые частные компании, занимающиеся добычей и переработкой рарса. — Я посмотрел на Чарльза. — Могу заверить, это ни в коем случае не было моей целью, я и не знал о том, что вы имеете определенные интересы в этой области. Поверьте, я всего лишь поддержал этот закон, но не был его автором.

— Значит, это был закон вашего союзника? — Тон Чарльза оставался холодным, но, судя по его словам, он вовсе не хочет ссоры.

— Вы правы, я поддержал своего союзника, но не только. Этот закон был нужен нам для вполне определенной цели. И я, пожалуй, кое-что вам расскажу, чтобы таким образом компенсировать тот ущерб, который невольно нанес.

— Что вы, это, право, того не стоит. В конце концов, я знал, что рисковую, вкладывая деньги в такую отрасль.

— И все же вы мне почти родственник, так как Катерина мне — почти сестра. Тем более что в этом нет тайны. Главное, чтобы нас не подслушали газетчики.

— Не беспокойтесь, я принял меры, чтобы их не было сегодня.

— Не вкладывайтесь в Палату магии.

— Почему? — Чарльз был явно удивлен.

— Потому что она не будет создана. Все мечты об органе власти с равным представительством всех магических сословий так и останутся мечтами.

— Понятно. Вы это знаете как сын и племянник членов Совета магов или как член Ассамблеи?

— И так и так. Я знаю, что Совет магов не допустит создания такого органа по многим причинам, и нежелание делиться властью — далеко не последняя из них, хотя и не первая. Но я веду и свою игру против этих глупых идей. Как член Ассамблеи.

— Глупых? Насколько я знаю, они вовсе не ставили под сомнение главенство магов.

— Вы вкладывали деньги в строительство северной железнодорожной магистрали?

— Да, как и любой другой уважающий себя патриот страны. Доход от вложенных средств будет не скоро, но зато какие перспективы это принесет в северные провинции империи? Эта магистраль необходима государству, и она наконец свяжет всю страну единой сетью железных дорог.

— Вы правы, я тоже вложил часть своих личных денег в это дело. Думаю, когда я выйду на пенсию, они как раз начнут приносить дивиденды. Но вот ведь в чем дело: один из первых проектов этой палаты — полная остановка строительства северной

магистралей, а в перспективе — полная остановка строительства железных дорог, кроме тех, что нужны для военных нужд.

— Но это абсурд! Зачем им это?

— Они верят, что развитие техники погубит магию. Считают, что, остановив строительство дорог, они замедлят строительство новых заводов и, соответственно, сильно замедлят прогресс.

— Какая глупость!

— Теперь вы понимаете всю нелепость тех людей, которые хотят создать этот орган власти?

— Разумеется, — кивнул пораженный Чарльз.

— Но не стоит волноваться, эта палата не будет создана. Хотя предчувствую, что зима этого года выдастся горячей.

— Благодарю вас, — поклонился Чарльз. — Я поговорю с некоторыми друзьями, и мы внесем свой вклад в общее дело. Потери от закрытия нескольких предприятий — ничто по сравнению с потерями от прекращения строительства дороги на этом этапе.

— Не стоит благодарностей, — поклонился я в ответ.

— А теперь прошу меня извинить — гости.

— Сегодня прекрасный вечер, и я постараюсь не испортить его некоторым из ваших гостей, так что не ищите меня в зале для карточных игр.

Чарльз добродушно рассмеялся. Он прекрасно помнил, как я раздел до нитки салаг, имевших глупость раззадорить меня перед игрой.

Раскланявшись с Левингстоном, я нашел взглядом Арию, она беседовала с двумя молодыми волшебниками.

Вечер был действительно очень неплохим. Оркестр играл негромкую музыку, не мешавшую беседам. Джентльмены постепенно беседовали на светские темы; о делах на таких мероприятиях можно говорить, но только наедине, чтобы не мешать отдыхать остальным. Дамы в роскошных нарядах, с целыми состояниями на шеях, руках и ушах, неспешно ходили по залу, выискивая жертв, или тоже общались на свои женские темы. Вышколенные слуги разносили по залу закуски и шампанское, по сотне империялов за бутылку. Некоторые гости уже успели набраться и теперь громко и пьяно шутили.

Мне было скучно участвовать в светских беседах. Что может быть интересного в обсуждении охоты или оружия на этом вечере? Я понимаю — обсуждать охоту непосредственно на охоте. Или спорить о достоинствах или недостатках оружия, держа его в руках. Но так? Еще более скучно разговаривать о погоде, как

будто она имеет для них значение. Вот для простых крестьян она имеет значение, а для аристократов?

Несколько раз со мной пытались заговорить о делах, но я сразу давал понять, что не желаю этого. Перемещаясь по залу, я не забывал поглядывать за Арьей. Но с ней все было хорошо: она общалась преимущественно с волшебниками, пила мало, на попытки познакомиться поближе отвечала вежливо, но решительно. А еще она, как и я, скучала.

— Покорнейше прошу простить мои манеры, — поклонился мне незнакомый аристократ, — но я был бы счастлив иметь честь знакомства с вами.

— Ничего страшного, — поклонился я в ответ. — Я, как вы, наверное, слышали, не являюсь ярым ревнителем норм этикета в таких мелочах, особенно когда это мешает. Я так полагаю, вы знаете мое имя?

— Да, сударь Маэл. Меня зовут Арнэх Лартиа.

— Рад знакомству с вами. Теперь я понимаю, почему вы хотели познакомиться со мной.

— Я хотел бы выразить свою благодарность за то, что вы верили в мою невиновность.

— Не стоит благодарности, ведь я ровным счетом ничего не сделал, чтобы исправить ошибку наших стражей порядка.

— И все же, когда все от меня отвернулось, вы один открыто заявили, что не верите в мою вину.

— Я не знаток в таких делах, но мне было очевидно, что имевшихся доказательств, мягко говоря, недостаточно, чтобы безоговорочно приговорить вас.

С Арнэхом, молодым аристократом из влиятельной семьи, случилась весьма неприятная история. Так уж вышло, что он открыто поругался с одним из родственников императора. Дело не такое уж и важное, но при весьма странных обстоятельствах этот родственник был убит. Все подумали на Арнэха. Разбирательство было недолгим, парня приговорили к смертной казни.

Тогда весь свет живо обсуждал его судьбу. Все были уверены, что Арнэх из глупой мести и обиды совершил убийство. Все, кроме немногих его близких друзей, родственников и меня. Я не стал лезть не в свое дело и заниматься поисками настоящего виновника. В мире множество несправедливостей — одной больше, одной меньше, а у меня свои дела и долг. Но я открыто заявил, что считаю это дело липовым, обвинение — ложным, а вину — недоказанной.

Молодого Арнэха семь раз выводили на смертную казнь и семь раз отменяли ее в последний момент. Через год заключе-

ния следствие неохотно признало отсутствие доказательств и объявило о невиновности. Впрочем, светские карманные львы и львицы, вбившие себе в голову, будто они знают истину, в это не поверили.

— Я слышал, сам император был недоволен вашим несогласием с вердиктом присяжных?

— Да, это было.

— Я сожалею, что из-за меня пострадали вы.

— Не стоит, для меня милость или недовольство императора — вещи эфемерные. — Увидев недоверие в глазах юноши, я добавил: — Меня сложно напугать такими вещами, ведь даже смерть для меня — вещь эфемерная.

— Хотел бы я думать, как вы, — задумчиво проговорил Арнэх.

— Ну вы вполне можете себе это позволить. Человек, даже раз заглянувший в лицо смерти, будет по-другому относиться ко всему, в том числе и к возможным угрозам. А вы заглянули семь раз.

— Девять, — поправил Арнэх. — Меня девять раз собирались казнить.

— Тем более.

— И все же я боюсь смерти.

— Это естественно. Страх смерти — естественная реакция на угрозу. Этот рефлекс уже несколько раз спасал мне жизнь. Главное — помнить, что смерть — это всего лишь смерть. И как бы мы ни хотели обратного, рано или поздно она нас настигнет. Поэтому бояться смерти — то же самое, что бояться прихода зимы, полная бессмыслица. Она все равно настанет в положенный срок.

Продолжать беседу не хотелось, и я, вежливо откланявшись, вышел на открытую веранду. Уже стемнело и стало прохладней. На улице поднялся ветер, однако в саду ветки едва качались. Катерина раскошелилась на услуги волшебника, поставившего щит от ветра. Я мог бы сделать то же самое бесплатно, но она не любила беспокоить друзей по пустякам.

За моей спиной раздались быстрые шаги. Я невольно напрягся, а на пальцах руки непроизвольно собралась сила, готовая к смертельному удару. Но вслед за шагами раздался громкий смех, а затем — смущенное «ой». Я сделал вид, что не заметил молодую пару, проскользнувшую мимо меня в сад, где полно темных уголков.

— Пора лечиться, — пробурчал я себе под нос.

— От чего? — Незаметно ко мне подошла Катерина.
— Не пугай так! — От неожиданности я вздрогнул и едва не отпрыгнул в сторону.

— Ты сильно изменился в последнее время, — сочувственно посмотрела на меня девушка. — Стал дерганым, вечно хмурым и усталым.

— Жизнь изменилась, изменился и я.

— Тебе не нравится вечер?

— Нет, что ты! Все очень хорошо, — поспешно ответил я. — Просто у меня на редкость плохой день. А это так заметно?

— Да. Чарльза и других гостей ты, может, и обманул, но я тебя хорошо знаю. Что случилось?

— Ничего, в чем бы мне кто-нибудь мог помочь.

— Дело в этой девушке?

— Да, — не стал я лгать подруге. — Все дело в ней, но она не виновата.

— Вы, маги, такие скрытные. Я слышала о ваших обычаях, но ничего конкретного не знаю. Она сейчас твоя напарница?

— Да, все так и есть. Она моя напарница.

— Может, мне с ней поговорить? — предложила Катерина.

— Не надо, от нее все равно ничего не зависит. Да и ты тут ничем не поможешь. — Я взглянул девушке в глаза — она смотрела с сочувствием и желанием помочь. — Не бери в голову, это просто небольшая житейская проблема, ничего серьезного. У тебя сегодня праздник.

— Ладно. После приема будет ужин, там будут только свои. Естественно, ты в их числе. Твоя напарница тоже приглашена, а чтобы тебе не было скучно, я приглашу и Ричарда.

— Благодарю, — серьезно кивнул я. — Кстати, надо его поискать, а то что-то я захандрил.

— Давно пора, я соскучилась по старому Призраку или хотя бы по Маэлу Несносному. Невежде, которого давно пора поставить на место, — засмеялась девушка.

— Ну первого ты увидишь не скоро, а вот второго я могу показать. Правда, тогда половина твоих гостей сбежит.

— Ну и слава всем богам Райхена, я от них уже устала.

— Тогда зачем ты их приглашала?

— Положение обязывает, — грустно вздохнула Катерина. — Не только ты изменился, Призрак.

Мы бы захандрили на пару, переживая по поводу ушедшей молодости, но, к счастью, на веранде появился Ричард с бутылкой в руках.

— О, наконец-то я тебя нашел, старина! Давай наконец вы-

пьем нормального напитка, а не этого шампанского! От всей этой унылой компании уже зубы сводит... — Увидев хозяйку, Ричард осекся и принялся горячо извиняться, но Катерина его перебила:

— Право, не стоит, я люблю тебя таким, какой ты есть. Уж извини, что я заказала так мало этого рома, и, пожалуйста, развлеки Маэла, а то он опять в унынии.

— Ну так я это быстро вылечу! Пойдем в сад, я тебе такую историю расскажу — ты не поверишь, но все это истинная правда. Дело произошло всего месяц назад в одной деревушке дикарей, где никогда не было нормальных людей...

— Катерина, присмотри за Арьей. Она в первый раз вышла в свет.

— Конечно, отдыхай и не думай сегодня ни о чем.

Лишь распив бутылку рома, я сумел ускользнуть от Ричарда. Я был рад его обществу, но вечер еще не кончился, а ром в восемьдесят градусов — это не мое. Хотя я и выпил в компании с Ричардом уже, наверное, бочку этого адского напитка.

Слегка покачиваясь от принятого на грудь, я вернулся в зал. Гостей стало меньше, но они стали пьяней и раскованней. Шутки стали громче и фривольней. Но в целом все оставалось так же скучно.

Немного побеседовав о достоинствах и недостатках нового образца оружия — пехотной многозарядной винтовки Паркова — и поспорив о внешней политике, я решил вернуться к Ричарду и рискнуть распить с ним вторую бутылку рома.

Остаток вечера прошел замечательно. На ужин были приглашены только близкие Катерине люди. Всех я знал, со многими у меня хорошие отношения. Я все-таки допил с Ричардом вторую бутылку рома, а потом мы начали третью.

Катерина предлагала остаться на ночь, но я отказался. Ричард тоже отправился домой. Часть пути мы ехали вместе. Арья внимательно смотрела по сторонам, искренне думая, что одна защищает двух пьяных в стельку товарищей. Но именно мы с Ричардом одновременно заметили подозрительную компанию в темном переулке. Он незаметно для всех, кроме меня, расстегнул кобуру, а я собрал силу и приготовился поставить щит.

Но когда мы приблизились, стало видно, что это просто группа подвыпивших студентов. Народ мирный и спокойный, если их не трогать. Арья заметила парней только тогда, когда мы с Ричардом уже успокоились. Некромант она хороший, но опыта не хватает.

— Доброе утро, сэ. Вы просили разбудить в восемь.

— Да, я помню.

Я, позевывая, потянулся в постели. Вставать совершенно не хочется, но надо. Ральф открыл шторы, но света на улице почти не было. Хотя сейчас лишь середина первого месяца осени, солнце уже встает позже. Я встряхнулся и подошел к окну.

— Прекрасное утро, не так ли, Ральф?

— Совершенно с вами согласен, сэ. Был легкий туман, но он уже развеялся, погода обещает быть замечательной.

— Ну и славно. Подай завтрак и чай в малую столовую.

— Будет сделано, сэ. Вам приготовить ваш обычный костюм?

— Да, и принеси свежую газету.

— Она уже ждет вас на столе.

— Благодарю.

Одевшись, я спустился на второй этаж и зашел в малую столовую. Это была маленькая комната с выходящими в сад окнами. За столом поместилось бы всего четыре человека, поэтому сюда никогда не приглашали гостей, столовая использовалась только хозяевами дома. Получив этот дом в свое пользование, я не стал менять традицию. Тем более что вид из окна в любое время года был хорош.

К моему удивлению, за столом уже сидела Арья. Она неторопливо пила чай и читала газету.

— Доброе утро, — сказал я, небрежно садясь за стол, — что пишут в прессе?

— Я не сильно в этом разбираюсь, никогда не понимала политику.

— Просто читай заголовки.

— «Выдворен наш посол из Доресцара». Ну и название.

— Уже третий за месяц, никак не могут договориться по поводу этого злосчастного болота, — невозмутимо ответил я. — Что еще?

— «Найхон в очередной раз отказался наладить дипломатические отношения и открыть порт для торговли».

— Тоже мне новость, я бы удивился, если бы было по-другому. — Прожевав кусок бутерброда, я спросил: — Что пишут наши эксперты?

— Военные говорят, что у южной оконечности Найхона можно сделать очень хорошую базу для колониального флота. Торговые специалисты оценивают возможный ежегодный оборот торговли в два миллиона импералов. А ученые говорят о бога-

той культурно-исторической традиции найхонцев. Наверное, будет война.

— Нет, — безапелляционно заявил я.

— Почему? — поразилась Арья. — Все идет именно к войне. Переброска флота, подготовка общественного мнения.

— Переброска флота — блеф, одними кораблями войну не выиграть. А колониальной армии в этом регионе нет. Да и не рискнет никто начинать войну с Найхоном. У них своя сильная армия, безоговорочно преданная своему отцу народа, и своя оригинальная система магии. Малой кровью не обойтись, а начать большую войну может только император, а ему «годовой оборот в два миллиона» даром не нужен.

— Вот как, я об этом не знала.

— Я бы удивился, если бы знала, — задумчиво проговорил я и пояснил: — Я сам знаю только потому, что имею связи в Совете по делам колоний. И вчера я с этой «связью» выпил две бутылки рома.

Подняв глаза, я посмотрел на недоверчивое лицо Арьи:

— А ты думала, на вчерашнем приеме я развлекался? Я собрал больше информации, чем мне собрали бы десять шпионов за месяц. Большая часть, конечно, меня не волнует, как, например, эта история с Найхоном, но всегда есть и что-то интересное.

Закончив с завтраком, я забрал газету и, попивая превосходный чай, начал задумчиво ее листать. Время от времени я озвучивал свои мысли вслух:

— Ух ты, акции оружейных компаний продолжают падать, к чему бы это? Так, строительство новой трамвайной ветки, ремонт моста, требования выдворить лиц без гражданства из столицы, как все знакомо. Громкий арест на юге, схвачены пять чиновников, занимающихся контрабандой, вот остолопы, я же говорил им, что их шесть! Этот умник все-таки ускользнул.

В сердцах я отбросил газету и выразил свое недовольство Арье и Ральфу:

— Вот так всегда: стоит хоть на самую малость довериться этим болванам из провинциальной жандармерии, как они все испортят. Я же все на блюдечке принес, им осталось только арестовать их. Если бы не день рождения Катерины, я бы лично проконтролировал это дело. И вот на тебе, главный виновник ускользнул. Ищи его теперь по всей империи.

— Тут, между прочим, и про тебя написано, — осторожно сказала Арья.

— Да? И что?

— Что неоценимую помощь в раскрытии этого дела оказал

известный столичный маг из высокородной семьи Ларанов, Маэл Лебовский.

— И?

— Все, больше ничего не сказано.

— Газетчики, — выругался я. — Так и знал, что ничего не напишут. Оказал помощь. Ха! Да я сам все сделал, а эти идиоты все испортили.

— Все как обычно, сэр. Жандармерия в наше время никуда не годится. Они только и могут, что ловить продажных женщин по подворотням, — невозмутимо выразил свое мнение Ральф.

Все еще в раздраженном состоянии духа, я поднялся из-за стола и пошел переодеваться в свой обычный костюм.

— Арья, надень новый плащ, у нас сегодня много дел.

Желаю я этого или нет, но Арье придется все время ходить за мной, стать моей тенью. Хотел бы я знать, что она по этому поводу думает. Увы, она слишком хорошо умеет скрывать свои истинные эмоции, а наша связь еще не настолько глубока.

Моя повседневная одежда была простой и неприметной. Коричневая замшевая шляпа, серое замшевое пальто, темные штаны и темные, удобные и крепкие ботинки. С одной стороны, в таком виде не зазорно общаться с высокими должностными лицами. С другой — я не выделялся в толпе своим богатым нарядом. А в моей работе выделяться нельзя. Арья сменила свой зеленый плащ на новый, тоже простой, темно-коричневый.

Чтобы не идти пешком, на улице я поймал первый попавшийся экипаж. С удобством устроившись на сиденье, задумчиво смотрел в окно.

Райхен, столица империи. Город контрастов и парадоксов. Здесь сердце империи и ее же мозг. В этом городе решается судьба огромной страны. Тут принимают решения, от которых зависят жизни миллионов людей: граждан империи, жителей колоний или тех, кому вскоре предстояло стать первыми или вторыми.

Когда-то давно здесь ничего не было. Лишь пустырь на берегу реки. Но первый император решил, что лучшего места для столицы ему не найти. С тех пор прошло уже триста лет, и многое изменилось. Но говорят, что главное так и осталось неизменным. Это место — по-прежнему сердце империи.

Очень противоречивое сердце. Его раздирают на части сотни и тысячи споров и противоречий. И с каждым десятилетием их становится только больше. В последние годы рост заводов породил новый класс, уже заявляющий о своих амбициях, — пролетариат. Многие считают это главной проблемой для страны.

Я же полагаю, что это главная проблема только для власть имущих. Рано или поздно рабочие получают свою долю прав и станут всего лишь еще одной силой в котле внутренней имперской политики.

Коренные жители города всегда протестуют против приезжих из провинции. Иной раз дело доходит до открытых стычек. Особенно недовольны появлением представителей иных национальностей. А скоро пожалуют и выходцы из колоний.

Но главные распри происходят вовсе не на улицах, а в кабинетах и коридорах делового района столицы — Высокого города, названного так по аналогии с Нижним городом. Нижний город располагался в низине, время от времени затапливаемой, а Высокий город находился на нескольких пологих холмах и был выше любого другого района города. За исключением дворца императора, который находился еще выше.

Если Райхен — это сердце империи, то Высокий город — сердце Райхена. Здесь находятся почти все правительственные учреждения, казармы городской стражи (не путайте с жандармами), Совет магов, Ассамблея дворян, Коллегия гильдий, Совет по делам колоний, здание Союза промышленников, главный офис Императорского банка, Сенат, Генералитет и Адмиралтейство. А также офисы крупнейших банков и предприятий, посольства других стран и около сотни мелких организаций, правительственных, полуправительственных, частных и других.

В итоге мы получаем самый большой в мире серпентарий. Или просто гигантскую банку с пауками. Именно здесь и находится самый опасный район города. Потому что в Нижнем городе убивают в основном, стоя лицом к лицу с жертвой, а в Высоком — наносят удары исключительно в спину, в крайнем случае в бок.

Недаром в столице говорят: «Хочешь острых ощущений — иди ночью в Нижний город, хочешь смертельного риска — иди днем в Высокий».

Разумеется, я немного преувеличиваю, но именно что немного. Политическая система государства настолько сложна, парадоксальна и противоречива, что состояние политического кризиса и безжалостная борьба между органами власти и отдельными политиками — вполне обычное дело.

Простые люди уже давно к этому привыкли и не обращают внимания на такие мелочи, как убийство видного политика. Есть даже анекдот на эту тему.

«Из провинции возвращается житель города и спрашивает своего дворецкого:

— Томас, что интересного случилось в городе за время моего отсутствия?

— Закрылся магазин на набережной.

— Ох как печально, мне он так нравился. Что еще случилось? Но не надо рассказывать о мелких событиях, говори только о важном.

— Была большая драка между студентами Магарского университета и жандармами. Трое студентов получили синяки и ушибы, десять задержано, пятеро жандармов заработали несколько ссадин и царапин.

— Как интересно! Жаль, я этого не застал. Что-нибудь еще случилось?

— Да, сэр. На днях было побоище в Сенате, семеро сенаторов были убиты на месте, еще трое скончались от полученных травм. Одного зачинщика указом императора приговорили к смертной казни, двоих выслали из столицы.

— Ну я же просил тебя, Томас, говори только о важных новостях!»

Я — часть этой жизни, один из активных жителей Высокого города. Многие мои бывшие друзья не понимают, зачем мне это надо. А все очень просто: это забавно и интересно. Кто-то делает ставки на скачках. Кто-то играет в карты. Некоторые любят дуэли. А я люблю политику. Это та же игра. Не сделаешь ставку — не выиграешь. Поставишь не туда — проиграешь. Проигрался в пух и прах? Будь готов заплатить жизнью. Тот же покер, только ставки выше, а игра опасней.

В здании Ассамблеи всегда много народу. Тем более рано утром. Расплатившись с извозчиком, я поднялся по белым мраморным ступеням и, толкнув дверь из дорогих пород дерева, вошел в один из центров власти в империи. В здании просторно и светло. Сквозь широкие окна светило утреннее солнце, а там, где окон не было, горели электрические светильники. Очень много белого мрамора и дерева. Символ Ассамблеи — чистота и простота. Действительно, кроме отделки из мрамора и мебели из дерева, никаких украшений нет. Если, конечно, забыть, что белый мрамор добывают на другом конце континента, а дерево вообще привозят из колоний.

Белый мрамор символизирует чистоту. Ха, если тут что и было чистым, так это лишь сам мрамор. И я — не исключение из правила: никто из тех, кто чего-то добился в политике, никогда не сможет похвастаться чистыми руками.

Официально Ассамблея не имеет власти. По идее, это всего лишь собрание дворян империи, а их решения имеют силу лишь

для членов Ассамблеи. На практике Ассамблея дворян — один из органов верховной власти, и своим решением она может даже объявить войну другому государству, не спрашивая мнения императора. Выглядит это примерно так. Ассамблея не в состоянии сместить с поста министра обороны, но зато она может приказать дворянину Арнольду Нарвену подать в отставку и уйти со своего поста министра обороны.

Нет, конечно, он мог отказаться, но... Отказаться выполнить решение Ассамблеи — значит объявить войну сильнейшим аристократическим семействам страны. Это значит стать изгоем и обречь на эту участь своих детей. Их никогда не пустят на пороги одного дома, им не дадут учиться в престижных заведениях страны, и им не светит будущее. Таким вот образом Ассамблея и правит страной.

Я не пошел в главный зал. Там собираются только в дни заседаний. Я направился на второй этаж, где располагались столовая, кафе, библиотека с архивом и большая закрытая веранда с видом на море. Там в основном и творилась вся деятельность в Ассамблее. А когда дело доходило до голосования, то, как правило, все уже было решено. Арья следовала за мной молчаливой тенью.

Я сразу увидел того, кто мне нужен. Высокий седой мужчина с длинной седой бородой стоял у окна и задумчиво разглядывал цветок. Он был в обычном темно-синем мундире офицеров флота, но без знаков различия. Такие носили отставные офицеры.

— Добрый день, сэр. — Я снял шляпу и поклонился.

— А, добрый день, мой мальчик, добрый день. Я как раз хотел перекусить.

Он оперся на мою руку, и мы неторопливо пошли в сторону столовой. От столовой там были только название и дешевизна. Подаваемые блюда не постеснялись бы поставить на стол в ресторанах Радужных холмов.

Спиной я почувствовал взгляд, полный ненависти и зависти. Слегка повернув голову, краем глаза заметил одного знакомого дворянина средней руки, никудышного политика. Он как раз поставил не туда и теперь все проиграл. Его дни как политика сочтены. Нет, убивать его, конечно, никто не будет. Теперь его ждет либо роль вечного статиста в Ассамблее дворян, либо возвращение в провинцию и мелкая административная работа. В которой он, впрочем, может и преуспеть.

Хотя сомневаюсь. Чем хороша политическая система моего родного и горячо любимого государства, так это тем, что подобные ничтожества никогда не займут никакого важного поста. Их

растопчут, не заметив. Это, собственно говоря, и произошло. Он попытался пристроиться под крыло влиятельного дипломата, который имел глупость задеть благодушного старичка, которого я сейчас веду в столовую.

Реджинальд Малькольм — адмирал, разгромивший в последней войне с Кунакским патриархатом весь их флот, что и предопределило победу в войне и наше господство во всем океане. После той битвы он еще десять лет возглавлял Адмиралтейство и негласно возглавляет до сих пор, хотя уже семь лет в отставке. Под его властью находился весь флот империи, а это более двухсот пятидесяти боевых кораблей, включая современные броненосцы с орудиями калибра 410 мм. Одно попадание такого снаряда гарантированно отправит на дно любой боевой корабль в нашем мире.

Выйдя в отставку, Реджинальд стал заниматься политикой в Ассамблее, где теперь получил ласковое прозвище Акула. Он мой союзник и, как ни странно, сам предложил мне союз. Я согласился не столько из-за его политической силы, сколько из-за личного уважения к этому человеку. Он до сих пор был одним из немногих людей в империи, что могли без стука войти в кабинет императора. В стране, которая уже сто лет не вела крупных сухопутных войн, но провела четыре полномасштабные морские, не считая трех десятков мелких, глава Адмиралтейства играл очень большую роль.

— Как твоя поездка на юг? — негромко спросил Реджинальд.

— Все прошло замечательно, однако я совершил ошибку, и глава сети сумел ускользнуть.

— Не беда, он теперь никто, пусть бегает сколько угодно. Ловить его теперь — задача полиции.

— А как ваши дела?

— Наши дела, — поправил Реджинальд. — Тебе он тоже на хвост наступил, мальчик мой. Несколько моих старых друзей начали расследование по поводу слухов о том, что граф Ланстейский организовал целую сеть контрабандистов. Говорили, что он дает им укрытие на своей земле, которая очень удачно граничит с важным портом на юге. И тут какой-то маг раскрывает целую сеть контрабандистов в южном порту. Найденные доказательства косвенно указали на вину графа. Разумеется, граф был ни при чем, но ему пришлось уйти из Ассамблеи и Сената. Такой удар по репутации — он не смог этого вынести и уехал в свои владения.

Понятно. Значит, граф вовремя сдался. Привезенные мной неопровержимые доказательства его причастности к контра-

банде — а это лишение титула и каторга — не понадобятся. Можно спалить их в камине, а можно оставить в семейной библиотеке, вдруг кому из моей семьи понадобятся. На такие дела срок давности не распространяется.

Когда мы заходили в столовую, сзади кто-то что-то злобно пробубнил в мой адрес. Я не обратил на это никакого внимания.

— Поздравляю, ты кое-чего добился, раз тебе уже шипят в спину, — негромко сказал Реджинальд. Несмотря на возраст, у него отличный слух.

— Но все, чего я пока заслужил, — это полные зависти взгляды.

— Все начинается с малого. В это сложно поверить, но я тоже когда-то был юнгой.

Оказавшись в зале, Реджинальд отпустил мою руку и твердым шагом направился к своему любимому столику возле окна с видом на море. Я сел рядом и отправил Арю за заказом.

— Это было для меня неожиданностью. — Говоря это, Реджинальд посмотрел вслед девушке. Он уже был в курсе.

— Для меня это было еще большей неожиданностью.

— Не знаю, что тебя связывает с этой девчонкой, — признал адмирал, — но она явно имеет на тебя зуб. Ей не так просто тебе насолить, но все равно будь осторожен.

— Ваше беспокойство напрасно. В любом случае тут сложно что-то сделать или исправить. Скажу одно: это была моя огромная ошибка. И если мне суждено умереть из-за нее — что ж, вполне справедливо.

— Намотай себе на ус, мальчик: мы все делаем ошибки, но единственная ошибка, которую мы не в силах исправить, — это смерть.

— Увы, именно эту ошибку я и совершил. Ее сестра погибла из-за меня. Исправить это я не в силах.

— Ладно, в дела магов я не лезу, как и любой здравомыслящий человек. Ты делаешь неплохую карьеру. Надеюсь, не забудешь обо мне, когда поднимешься на вершину Высокого города?

— Вы шутите, — улыбнулся я. — К тому времени, когда мне удастся достичь ваших высот, я буду седым стариком, а вы, при всем моем уважении, уже станете частью истории.

— Я так не думаю, — без тени шутки ответил Реджинальд. — Тебя хочет видеть император.

— Меня? — приподнял я бровь, изображая легкую степень удивления.

— Да. Зачем — не знаю. Даже не могу предполагать. Тебя с равной вероятностью могут покарать или вознаградить. После

встречи с императором ко мне не приходи. Я все узнаю по своим каналам. Если вдруг тебя куда-нибудь отправят, не беспокойся, я присмотрю за всем здесь, в том числе и за твоими людьми.

Покинув Ассамблею, я вместе со своей ша'асал сразу же отправился в резиденцию императора. Заставлять ждать такого человека невежливо. В политической системе нашего государства император занимает странное место. Официально он — никто. Высшая законодательная власть принадлежит Сенату. Законодательная инициатива, а также исполнительная власть делятся примерно поровну между Советом магов, Ассамблеей дворян и Коллегией гильдий. Судебная власть принадлежит Верховному суду империи, а также многочисленным мелким судам. Военную власть представляют Генералитет во главе с верховным главнокомандующим и Адмиралтейство во главе с верховным адмиралом.

Всё, больше никаких полномочий в стране нет. Император не издает законов, не следит за их исполнением и даже не занимается судебными делами. Даже армия и флот ему не подчиняются. В распоряжении императора только его гвардия, а также вся разведка страны, внутренняя и внешняя.

Но по факту в руках государя абсолютная власть. Он является верховным арбитром в политических спорах между многочисленными органами власти. Издает указы, обязательные для исполнения. А также он всегда может опереться на другие силы, чтобы уничтожить мятежных политиков.

Если против него пойдет Ассамблея дворян, император позволит Совету магов разрешить давние противоречия с ними. Если же взбунтуется Сенат — Ассамблея с готовностью разберется с ним. Союз промышленников просто мечтает о дне, когда Коллегия гильдий послушается воли императора. При этом договориться между собой и скинуть правителя они никогда не осмелятся. Не только из-за неразрешимых противоречий между собой, но и из-за того, что все прекрасно понимают: если сегодня императора не станет, завтра по улицам Высокого города потекут реки крови. И это не метафора. Император — гвоздь в политической системе нашего государства, выдерни его — и империя рухнет.

При этом император подчиняется общему правилу нашей политической системы. Слабые и ничтожные политики никогда не займут никакой должности. Глупый, развращенный, недалекий, слабовольный правитель не просидит на престоле дольше одного дня. Наемные убийцы выстроятся в очередь, чтобы его

убрать. А мы, маги, закроем на это глаза, если не поможем сами. Наемным убийцам, конечно.

Больше всего на свете наши политики боятся не политических кризисов, а слабого императора. Ведь все прекрасно понимают: только сильной рукой можно управлять таким абсурдным государством, как наше.

Пройти на прием к императору мне было легче легкого. Арию, правда, пришлось оставить в приемной. По старому закону император может встретиться с некромантом лишь в присутствии трех верховных магов. А меня провели во вторую приемную. Человек, попавший сюда, мог быть уверен, что его обязательно примут, на этой неделе — точно. В то время как человек, сидящий в первой приемной, не мог быть уверен, что его примут до конца года, даже если его и заверили, что «его величество примет вас, как только освободится».

Никакой особой роскоши здесь не было. Обычное общественное здание. Разве что охраны больше, чем в других местах. А так — все то же самое. Тот же самый стиль: символизм и простота. Здесь все сделано под старину. Деревянные полы и стены. Ковры и знамена. Карты страны. Старое оружие и доспехи. Это должно подчеркивать уважение к традициям.

Взяв в руки газету, я сел на стул и приготовился ждать. Однако не успел я прочитать заголовки на первой полосе, как меня вызвали.

Император сидел за столом и что-то писал. Его кабинет был обставлен просто и со вкусом. За спиной на стене висело большое императорское знамя. В былые времена именно под этим знаменем в бой шла императорская гвардия под командованием самого императора. Да, в те времена правители лично выходили на поле боя, но не как полководцы, а как рядовые полковники, и часто сражались в самой гуще боя.

Справа висела большая и очень подробная карта мира. На карте было множество прикрепленных значков. Кроме стола и стула, в кабинете стояли большой книжный шкаф, шкаф для одежды и комод с зеркалом. Мест для посетителей не было, им приходилось стоять. Вся мебель в кабинете сделана из дерева темно-орехового цвета.

Я встал напротив его величества и замер, склонив голову. Император выглядел лет на тридцать, не больше. На самом деле ему уже сорок семь, и правит он уже двадцать лет, сменив на престоле своего деда. Его отец умер, так и не дождавшись возможности возглавить страну. Что к лучшему, между нами гово-

ря. Если боги окажутся милостивы, а охрана не будет ловить ворон, то Аврелий проживет еще не меньше ста лет.

Император наконец закончил писать и поднял голову. Мы встречались далеко не в первый раз, но впервые он принимал меня в этом кабинете. Аврелий рассматривал меня, а я его. Черты правителя не отличались чем-то особенным. Спокойное интеллигентное лицо, слегка задумчивый взгляд, мягкие, добрые глаза, коротко подстриженные темные волосы.

— В свои двадцать пять ты уже достаточно знаменит, не находишь?

— Об этом не мне судить.

— На тебя пришел донос. — Император достал из кучи бумаг какой-то листок и зачитал его вслух. — Это правда?

— В общих чертах — да, я действительно вчера вечером сказал, что для меня милость или недовольство императора — вещи эфемерные. Но ничего под этими словами я не подразумевал и ничего не демонстрировал.

— И все же этих слов достаточно, чтобы получить поездку за счет казны в одну из наших колоний.

Я пожал плечами, будучи абсолютно спокоен. Хотя прекрасно понимал: произойти может что угодно. Император может рассмеяться и подарить этот донос мне на память. А может прямо сейчас подписать указ о моей ссылке в колонию. А еще в любой момент могут распахнуться двери, сюда войдут маги в военной форме и отправят меня в тюрьму на печально известном острове Бантши.

— Я бы хотел услышать твои объяснения по поводу смысла этих слов.

— Я маг, ваша светлость. Я не боюсь смерти или каких-либо неприятностей. Для меня это все — лишь мелочи земной жизни.

— Ты так надеешься на посмертное существование?

— Я не надеюсь, я знаю, что после смерти меня ждет другая жизнь. Все маги это знают.

— Хотел бы я тоже это знать, — задумчиво проговорил император. — Ты назвал меня княжеским титулом. Почему?

— Я просто оговорился, — безмятежно ответил я.

— За такие оговорки мой покойный дед мог бы приказать убить тебя на месте.

— Так точно. Ваша светлость.

— Не надо мне напоминать об этом два раза подряд. — В голосе императора появились угрожающие нотки, но я и бровью не повел.

— Слушаюсь.

— Не видно, — проворчал он себе под нос. — На тебя пришел донос, лично мне. Это уже о многом говорит. Ты настолько известен, что на тебя жалуются не местному жандарму, а лично его величеству.

— Люди завистливы, а кому жаловаться — значения не имеет.

— Ты хорошо выполнял мои поручения, — император резко сменил тему разговора, это была его любимая привычка, часто приводящая собеседников в замешательство, — я предлагаю тебе официально стать моим личным агентом. И тогда ты будешь получать такие бумажки на дом, с полным досье на автора.

— Это большая честь и большая ответственность.

— Но не для тебя? — Аврелий сразу же ухватил суть моего ответа.

— Да, император, не для меня.

— Многие бы все отдали за то, от чего ты отказываешься.

— Я знаю, но мне ценно то, что придется отдать за эту честь.

— Что ж, это твое право, настаивать не буду. Ты не тот человек, которого можно подкупить титулами, наградами и деньгами. Для тебя это все — «вещи эфемерные», — усмехнулся император. — Но если я отдам тебе приказ, ты его выполнишь?

— Разумеется, ваше императорское величество. Я выполню любой ваш приказ. — Я по-уставному щелкнул каблуками и склонил голову.

— Тогда в чем разница?

— В еще более эфемерных вещах, чем золото и титулы. В иллюзии свободы. — Говоря это, я впервые посмотрел прямо в глаза императору. Несколько секунд мы играли в гляделки, а потом одновременно отвели взгляд в сторону. Не знаю, что он увидел в моих глазах, а я в его увидел только любопытство.

— Я надеюсь править достаточно долго и спокойно. Я не хочу войн и крови, а хочу мира и спокойствия.

— Как и любой правитель, — слегка улыбнулся я.

— Язвишь?

— Нет, ваше величество, лишь хочу напомнить, что я успел поучаствовать в подавлении мятежей.

— Да, конечно. — Император на мгновение закрыл глаза рукой, а мне стало стыдно. — Глупо говорить о моих желаниях, после того как за двадцать лет правления я развязал три войны и пять раз отдавал приказ о подавлении бунтов.

— Прошу меня извинить, император, за мои глупые слова.

— Будь они глупыми, мне бы не было обидно, — грустно отозвался правитель. — Твоя игра с моими титулами, например, меня просто забавляла.

— И все же это глупые, очень глупые слова. И мне за них стыдно.

— Забавная у нас выходит аудиенция. Ты мне то дерзишь, когда надо просить прощения, то извиняешься, когда этого не требуется, — усмехнулся император. — Я посылаю тебя на восток.

Я ждал продолжения, но император молчал.

— И?

— И ничего, — пожал он плечами. — Я посылаю тебя на восток, и все. Это мой приказ.

— Я отправлюсь туда завтра, утренним поездом. Как долго мне находиться на востоке?

— Столько, сколько сочтешь нужным. — Аврелий отвернулся от меня и смотрел в окно. Я его уже не интересовал.

Выйдя из кабинета, я оглянулся на дверь. На ней висела простая табличка с надписью «Император», а ниже на простом листке бумаги были написаны дни и часы приема. Это была шутка предыдущего правителя. По слухам, он тогда сказал, что пост императора превращается в еще один обычный чиновничий пост.

Как известно, любой народ имеет то правительство, которое заслуживает. У нас один правитель приколачивает себе на дверь табличку с часами приема, другой посылает подданных неизвестно куда и неизвестно зачем. Чем мы заслужили такое?

— Хозяин еще не вставал, — с поклоном сообщил дворецкий.

— Я знаю, — кивнул я, заходя в дом.

И сразу же направился наверх, в спальню. Где еще мог быть Данте в час дня? Только в своей кровати. Стучаться я не собирался. Это была не наглость, а вежливость и выполнение просьбы хозяина дома. Данте делил всех людей на две неравные части. На тех, кто мог зайти к нему в спальню без стука в любое время суток, даже ночью. И на тех, кто не мог пройти дальше гостиной, и то только после приглашения.

Я имел сомнительную честь находиться в первой категории. Впрочем, я никогда особенно не любил Данте и не приходил в его дом даже по приглашениям, которые он мне регулярно присылал. Но сейчас мне нужен совет, и никто не сумеет помочь лучше, чем он.

Толкнув дверь, я зашел в спальню. В комнате было очень темно, а в нос сразу же ударил запах перегара, табачного дыма, кальяна и резких женских духов. Я без церемоний раздвинул плотные шторы и впустил в комнату солнечный свет.

Данте лежал на кровати, укрываясь двумя черноволосыми девушками.

— Это ты? — недовольно пробурчал он себе под нос.

— Уже день, — сухо ответил я.

Арья в замешательстве остановилась на пороге комнаты. Она знала Данте, но в страшном сне не могла представить его в таком виде.

— Можно подумать, это должно меня волновать, — резонно заметил Данте.

Он сел в постели и тряхнул гривой золотых волос. Обе девушки проснулись и недовольно покосились на меня.

— Это?! — только и смог зло выговорить я, остальные слова застряли в горле.

— Это, это — кивнул головой Данте. — Я знаю все, что ты можешь сказать, так что не утруждай себя.

— Ну знаешь ли, это уже ни в какие рамки не лезет.

— Завидуешь? — томно произнесла одна из красавиц, посмотрев на меня своими очаровательными красными глазами с вертикальными зрачками.

— Мы можем и с тобой отдохнуть, — добавила вторая.

За моей спиной окаменела от возмущения Арья, я чувствовал ее ярость и гнев. Данте, слегка прищурившись, наблюдал за нами. Полукровка. Наполовину люди, наполовину демоны. Опаснейшие и коварные существа. Их племя пролило в несколько раз больше крови, чем все некроманты, маги и волшебники вместе взятые. Не говоря уже о мелочи вроде вампиров, оборотней и ведьм.

— Поиграй с ним, — с усмешкой сказал Данте.

Полукровка мгновенно распласталась в воздухе, левую руку прижав к груди, а правую отведя назад для удара. Ее реакция и скорость были совершенны. Я замер, любуясь ее хищной красотой: полностью обнаженная, с гривой черных волос, полукровка вся вытянулась в прекрасном броске.

Но как бы она быстро ни двигалась, Арья успела первой. Мгновение — и она уже стоит передо мной, еще мгновение — и нас обоих надежно закрывает щит некроманта. И наконец третье мгновение: полудемоница висит в воздухе, схваченная щитом. Ей на помощь бросилась вторая полукровка, но Арья одним ударом отбросила ее в угол комнаты.

— Успокой свою ша'асал, — спокойно сказал Данте. — Они бы не посмели до тебя даже дотронуться.

— Арья, подожди меня в гостиной. Данте, кончай свои игры, у меня к тебе серьезный разговор.

— Да ну?

— Император послал меня на восток на неопределенный срок, и я не знаю, награда это или ссылка.

— Арья Сирая, подожди своего напарника в моей гостиной. Томас подаст тебе обед, если хочешь. И отпусти эту полукровку. Неужели ты думаешь, что я позволил бы обидеть своего младшего брата? — Данте, ничуть не стесняясь своей наготы, встал и пошел к выходу. — Идем, братец, расскажешь, во что ты вляпался.

— Вот, значит, как... — Данте задумчиво подпер рукой подбородок. — Даже не знаю, что и сказать тебе. Сам-то что думаешь?

— Тут два варианта. Или меня высылают из столицы, или посылают на восток.

— Это то, что лежит на поверхности. То, что видят все. Насколько я знаю нашу хитрющую августейшую особу, в его планах всегда есть второе дно.

Данте Лебовский — мой старший брат. Мы с ним родные братья, но мало похожи внешне, и у нас мало общего. Он — высокий золотоволосый голубоглазый красавец, живет распутной жизнью, наслаждается всем, чем может. Является членом Совета магов. А также Данте — будущий глава клана Ларанов и наследник семьи Лебовских.

Мы никогда не были с ним особенно близки. Он старше меня на пять лет, и этого достаточно. Все наше детство мы почти не виделись, поскольку учились и тренировались в разных местах. А встречались только во время семейных праздников и официальных приемов.

Не добавляли нам радушия довольно сильная обоюдная зависть и неравенство. Мы оба были детьми своего отца, но брат имел все, а я ничего. Ему, только за то, что он старше, достались место в Совете магов, семейные реликвии, власть и влияние. А после смерти или ухода на покой отца Данте станет как минимум главой семьи и получит все наследство. А все, что получил я, — старый дом и малая часть денег. Согласитесь, существенный повод для обиды.

С другой стороны, Данте тоже очень сильно завидовал мне. Его никто ни о чем не спрашивал. Все свои привилегии он приобрел вместе с кучей обязанностей и бездной ответственности. Ему постоянно приходилось носить жесткую и неудобную маску достойного и благородного мага. В то время как он хотел совсем другого.

Данте жутко завидовал моей свободе и самостоятельности. Тому, что я ни перед кем ни в чем не отчитывался и мне не при-

ходило постоянно подчиняться воле отца. Я жил своей жизнью и поступал так, как считал нужным.

Я не мог понять, как брат, имея огромную власть и влияние, мог вести себя столь легкомысленно и безответственно. А Данте не понимал, почему я, имея свободу, не живу как полагается, то есть не устраиваю недельные загулы, не стремлюсь перепробовать все алкогольные напитки и не затаскиваю в постель всех хоть сколько-нибудь красивых девушек. А вместо этого стремлюсь подняться повыше, то есть, по мнению Данте, сам загоняю себя в кабалу.

— Наши правители привыкли править не силой, а хитростью. Гай Аврелий — не исключение. Поверь, он еще тот лис.

— Верю. — Я и сам это прекрасно знаю, но Данте встречается с императором чаще меня.

— Если он отправил тебя на восток, значит, это лишь малая часть его далекоидущего плана. И лично ты можешь оказаться всего лишь мелочью в этом плане.

— Объясни.

— Например, ему нужно, чтобы кто-то подумал, будто он заинтересовался тобой, или, наоборот, чтобы кто-то подумал, будто он убирает тебя из столицы. Император вполне может обставить дело так, что все будут свято уверены, что ты выполняешь его личное и секретное поручение, а в это время другой человек станет делать то, что ему на самом деле нужно.

— Таких вариантов может быть просто множество, — пробормотал я.

— Вот именно, — вздохнул Данте. — Томас, неси сюда вина! Любого!

— Не рано ли ты начал?

— В самый раз, — ответил брат. — Друг мой Маэл, живи проще. Поезжай на восток и не морочь себе голову. Там есть несколько замечательных городков, все хочешь съездить туда с проверкой.

Я не стал ему отвечать, а встал и подошел к большой карте страны, висящей на стене кабинета. Вся страна разделена на пять больших областей. Центральная, Восточная, Западная, Южная и Северная области. Все они подобны маленьким странам. В каждой свои обычаи, свои порядки и свои проблемы. Там даже власть своя, подчиняющаяся императору лишь в важных вопросах. В каждой области — личная армия, жандармерия и так далее. Правда, они полностью подчиняются центру, и вся их автономия — не более чем ослабленный поводок. Страна слишком большая, чтобы следить за всем из центра, гораздо проще

дать регионам вольности и смотреть на некоторые вещи сквозь пальцы, чтобы потом было легче держать их за горло.

— Восточная область — кипящий котел, самая проблемная часть империи. — Данте встал за моей спиной и посмотрел на карту. — Будь это любая другая область, я бы с легкостью сказал тебе, что там надо делать. А здесь...

— Юг — торговля с колониями, контроль важных портов и дорог. Запад — интриги, заговоры...

— Я тебя умоляю, какие интриги и заговоры? — перебил Данте. — В этом застойном болоте самое большое событие — приезд мелкого чиновника из столицы. Стоит императору запретить привозить туда газеты из столицы, и все заговорщики умрут от скуки.

— И все же запад — исконные земли империи, там находится старая столица. Там живут все старые роды аристократии и семьи магов. В том числе и наша семья. Но ты прав, это самое спокойное место в империи, там ничего не происходит.

— Север — ну о нем ты знаешь лучше меня.

— Горные великаны, тролли, вампиры, оборотни, снежные волки и прочие коренные обитатели тех мест. Ты знаешь, что треть всей Северной армии обеспечивает безопасность строительства северной магистрали?

— Нет, — покачал головой брат. — Там все так серьезно?

— Более чем. Между городами — недели пути по диким неосвоенным землям. В них до сих пор водятся твари изначальных эпох. А для многих варваров существование империи — куда более спорный факт, чем существование их богов.

— Да уж... Как там живут чиновники?

Я расхохотался, вспоминая Рене Шатиньёна, более известного в тех краях как Рагнар Имперский Инспектор. Бородатый, длинноволосый, в одежде из оленьей шкуры, великолепный охотник и знаток местных троп, он при этом был всего-навсего мелким чиновником, посланным на север за какую-то провинность. В Райхене на один квартал приходится несколько таких чинуш. Они ведут учет населения, регистрируют приезжих, умерших, родившихся, выдают мелкие справки. На севере Рагнар занимался тем же самым, вот только между поселениями, за которые он отвечал, были сотни миль дремучего леса.

— Тебе лучше не знать. Скажу только, что рабочие совещания отделов проходят раз в пару лет — столько требуется времени, чтобы собрать всех в одном месте, а основная причина освобождения от должностей — не увольнение, а пропажа без вести.

— Самое место для такого трудоголика, как ты.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ВОСТОК	6
Часть вторая. ИГРЫ ПОЛИТИКОВ	142
Часть третья. ПЕЧАТЬ ДАРА	219
Часть четвертая. ВОЙНА	314
<i>Эпилог</i>	436